

СТРУКТУРНЫЕ МЕРЫ ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
МИНИСТР ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Алексей Леонидович Кудрин

Модернизация в широком смысле, то есть модернизация институтов и экономики, важна и будет осуществляться. В структуре экономики завышена доля промышленного сектора и сельского хозяйства, и есть необходимость увеличения доли сферы услуг, современных методов проектирования, логистики и т.д. Изменение структуры само по себе является важнейшим фактором модернизации. Но если говорить о том, как стать конкурентоспособными, необходимо создать систему, когда во всех сферах – от промышленности до услуг – будут внедряться инновации. Когда фактором победы в конкурентной борьбе будут не административные усилия, а инновации. И, прежде всего, это конкуренция и равные условия на рынке, целый пласт условий, которые необходимо создать и которые пока не созданы. Нужен план создания инновационной экономики, технологических карт, новых венчурных фондов и улучшения качества работы старых институтов. В России насчитывается не так уж мало институтов инноваций: 110 технопарков, более 100 центров трансфера технологий, 50 государственных научных центров, более 120 инкубаторов. Есть Российский венчурный фонд и региональные венчурные фонды; ГК «Российская корпорация нанотехнологий»; Банк развития; ГК «Ростехнологии», которая должна быть первым проводником технологий и имеет неплохую производственную базу в оборонном секторе, конструкторские бюро и опыт серьезных достижений, прежде всего в области вооружений. Фонд жилищно-коммунального хозяйства также должен стать центром спроса на инновации, поскольку нужно внедрять новые технологии в жилищном строительстве. И спрос на строительство, на реконструкцию мог бы генерироваться всеми этими структурами.

Институтов немало, но сегодня они неэффективны. Россия находится в первой десятке стран по объему финансирования науки, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а по частному финансированию НИОКР – далеко не на первом месте. Не созданы стимулы для частного сек-

тора и институты частно-государственного партнерства. Это известные факты, но внимание к эффективности работы тех институтов, которые уже созданы и частично капитализированы, очень важно.

Например, фонд Бортника, который является одним из ведущих, на первом этапе, входящем в 3-летнюю программу, отбирает до 1700 предложений, на второй год проводит НИОКР совместно с частным бизнесом, а на третий год программ остается в десятки раз меньше. Третий год – создание малого предприятия в области инноваций – это примерно 30–40 компаний. Возможно, это и неплохо.

Российский венчурный фонд за три года создал несколько проектов, но большая часть денег даже не была востребована, потому что качество проектов оказалось невысоким. И фонд значительную часть своих средств уже третий год вынужден размещать на депозитах в банках, поскольку проекты не выдерживают требований. Но, повторяю, следует улучшать качество работ всех институтов. При этом государство должно стать крупнейшим потребителем инноваций. Поэтому сейчас поставлена задача увеличить долю инновационной продукции по госзакупкам. Это также должно касаться наших институтов развития – Банка развития, Фонда ЖКХ, РОСНАНО, ГК «Ростехнологии». Все государственные институты должны подключиться к этой программе которая в конечном счете приведет к тому, что предприятия, создающие инновации, будут первыми получать заказ. В одном из исследований есть данные, что перед кризисом, при расширении государственного финансирования и спроса на продукцию в целом, конкурентное давление на предприятия уменьшилось. Был спрос на обычную продукцию и, соответственно, стимулы к инновациям стали падать. Больше 50% предприятий в 2009 году уменьшили инновационную деятельность и лишь 10% – увеличили. Эта статистика не вызывает оптимизма, ведь только стимулируя новые подходы к повышению производительности труда, можно поддержать темпы снижения себестоимости, увеличить конкурентоспособность, создать новые товары.

Развитие частного сектора – это ответ на вопрос, где взять ресурсы для модернизации. Высоких цен на нефть, или притока краткосрочного капитала, которые были ключевым фактором инвестиций в Россию, думается, больше не будет. Теперь надо делать упор на развитие внутреннего финансового рынка, создание благоприятных условий для формирования накоплений, прежде всего у населения. Сбережения создадут необходимую пассивную базу финансовых институтов, необходимые условия для абсолютной уверенности банков в стабильности. Тогда кредиты можно будет выдавать на три-пять лет, а со временем и на семь. И возможности этого рынка нужно увеличивать каждый год, следя за тем, чтобы ставка кредитования снижалась, а кредиты с каждым годом становились все больше. Так, перед кризисом кредиты постепенно росли более трех лет. Во время кризиса они выросли очень быстро: примерно на 1,5 трлн. рублей сразу, из краткосрочных перейдя в долгосрочные (по причине того, что не могли быть возвращены, и их продлили). Но мы должны отслеживать те реальные условия, которые будут удобны финансовым институтам, и тогда финансовый рынок должен предложить условия по кредитованию российской экономики не хуже, чем внешний рынок. Такая тяжелая институциональная, макроэкономическая и монетарная задача стоит сейчас перед властями.

Возвращаясь к роли цены на нефть, следует отметить, что до кризиса она была отрицательной. Правительство не удержалось от того, чтобы расходовать эти средства, которые тратить в таком объеме было нельзя. В ближайшее десятилетие не следует планировать расходы исходя из цены на нефть свыше 60 долларов за баррель. Это максимум, который мы можем себе позволить. При этом дефицит бюджета не должен быть больше 1%. Мое мнение: если правительство будет вносить другие предложения, это значит, что мы не справляемся со своими задачами. Если обратиться к опыту Норвегии, имеющей один из самых высоких уровней жизни и ВВП на душу населения, можно видеть, что эта нефтяная держава не расходует ни одного доллара, заработанного на нефти. Все 100% налогов от добычи нефти накапливаются в нефтяном фонде, а тратятся только доходы от инвестирования этих средств в мировую экономику. Конечно, мы не сможем полностью использовать этот опыт, но можем перенять пример умеренных расходов. Вот на такие непростые вызовы предстоит ответить в ближайшее десятилетие.